

Олег Кармадонов

**ТРИУМФ
ЕДИНОРОГА**

Пьеса в трех актах

Олег Кармадонов

**Триумф Единорога.
Пьеса в трех актах**

«Издательские решения»

Кармадонов О.

Триумф Единорога. Пьеса в трех актах / О. Кармадонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838394-6

Пьеса о человеческой гордыне и слабости, величии и уязвимости, поиске своей правды, её обретении и утрате. И ещё о том, что что-то настоящее в нас остается даже тогда, когда мы его гоним изо всех сил.

ISBN 978-5-44-838394-6

© Кармадонов О.
© Издательские решения

Содержание

Действующие лица	6
АКТ ПЕРВЫЙ	7
Действие первое	7
Действие второе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Триумф Единорога Пьеса в трех актах

Олег Кармадонов

*...Но где же та эпоха, когда актуальное и современное
совпадали?..*

© Олег Кармадонов, 2017

ISBN 978-5-4483-8394-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Олег Кармадонов

ТРИУМФ ЕДИНОРОГА

Пьеса в трех актах

Действующие лица

Тахо – элегантный мужчина 33 – 34 лет, преподаватель в университете

Эрик – друг Тахо, с маловыразительным лицом, около 32 лет, преподаватель истории в школе

Антон – около 30 лет, высокий, чуть сутуловатый, с очень добрым лицом, художник

Аврора – супруга Антона, года на 3 моложе его, весьма милая журналистка

Татьяна – привлекательная женщина около 30 лет, первая любовь Тахо

Поэт – молодой человек богемного вида

Баба Геля – соседка Авроры, женщина преклонных лет

Женя – девушка на набережной

Конвоир – дородный мужчина средних лет

Арестант – неряшливо одетый мужичок неопределенного возраста

Эрик в детстве – мальчик лет 13

Антон в детстве – мальчик лет 14

Мать Тахо – благообразная женщина лет 45

Женский голос

1-й мужской голос

2-й мужской голос

АКТ ПЕРВЫЙ

Действие первое

Квартира Антона и Авроры. Застолье в самом разгаре. За уставленным бутылками и закуской столом сидят хозяева, Тахо и Эрик. Уже довольно поздно.

Тахо (*возбужденно, Эрику*). А творец должен быть празден! Иначе он просто ничего не создаст! «Леность – главное условие совершенства» – Оскар Уайльд. В проповедях Будды нет ни слова о необходимости трудиться, а чем был труд для Адама и Евы? Мерой наказания! «Будете добывать хлеб свой в поте лица!» И за что ведь? За тягу к знаниям! Между тем, Иисус о чем говорил своим вольнослушателям? (*Ерничая*). «Оставьте все и не заботьтесь о хлебе!» Птиц там в пример приводил, лилии всякие. (*Авроре*). Кстати, здесь «сын» явно расходился во мнениях с «отцом», что лишний раз доказывает их нетождественность. (*Антону*). Короче, Антон, не слушай никого, твори и все, и ни в коем случае не задумывайся, нужно кому-то или нет то, что ты делаешь, что ты рисуешь! Начнешь об этом думать – загнешься. Создавай свои творения, а они потом создадут тебя. Как минимум. Но это уже много... (*Наливает себе в бокал лимонад и одним залпом осушает его*). Вот так.

Антон. Мир спасет красота?

Тахо (*немного раздраженно*). Да нет же!.. И вообще – это слишком по-русски... А вот Дэвид Лоуренс считал, что мир спасет задорный пенис. Каково, да?

Эрик (*выпустив клуб дыма*). Это слишком не по-английски!.. Может, они имели в виду одно и то же?

Тахо. Нет, они явно говорили о разных вещах. Не знаю точно насчет второго... по крайней мере, в этом что-то есть... Но вот насчет красоты – это все ерунда! Никогда в жизни красота и культура никого и ничего не спасали... Кроме своих создателей, конечно.

Аврора (*подняв руку как в школе*). Не согласна! Я – не согласна! Перечитайте Фрейда. Люди ходят в концертные залы, галереи и театры для того, чтобы снять с себя психический стресс, выплеснуть свои негативные эмоции...

Эрик (*иронично*). Ну да, ну да, конечно!.. Аврора, да они сами конченные все психи – художники эти, музыканты, поэты... Нет, вы подумайте! Будет нормальный человек сидеть днями и ночами, что-то вымучивать из себя, куда-то нестись по ухабам своей расстроенной психики? Это же все – патология!

Тахо (*весело*). Точно! Я добавлю даже – чем более у него скособочено здесь (*делает характерный жест возле головы*) и чем больше свободного времени, тем... прекрасней! плоды его творчества! Вот и получается – чтобы людям остаться нормальными, они идут и приобщаются к трудам ненормальных. Короче – чем ненормальнее ненормальные, тем нормальнее нормальные! Парадокс! (*Общий смех*). Ну ладно, что-то мы заговорились... Эрик! (*Эрик берется разливать*). Между двадцать шестой и тридцать восьмой перерывчик, можно сказать, вообще ничтожный... (*Все поднимают рюмки, чокаются*). За Аврору!

Эрик. Да, за бессмертный фрейдизм! (*Авроре*). За тебя, любимая жена нашего любимого друга!

Аврора (*скромно*). Благодарю.

Все выпивают и закусьивают.

Эрик (*вытирая губы салфеткой*). Теперь давайте о чем-нибудь серьезном.

Тахо. Что-нибудь серьезное в этом мире отыскать трудно.

Антон. Ну почему же? Мне, например, кажется очень серьезным Новый режим, который вот-вот начнется.

Тахо (*занимаясь куриной ножкой*). А, ерунда! Он только с виду такой, а внутри обхохочешься!

Антон (*с сомнением покачивая головой*). Не знаю, не знаю... Скорее уж – наоборот.

Эрик (*вновь закулив, откинувшись на стул и забросив ногу на ногу, несколько наставительно*). Ну-ну, Тоша, не трагедизируй! Все нормально. Нормальный Новый режим, подержанный и признанный большей частью народа, режим, который сейчас просто необходим и появился как раз в свое время. Это я тебе как историк говорю... хотя ты и сам все понимаешь и поддерживаешь.

Антон. Ничего я не поддерживаю... Зато я порой прямо-таки вижу этого монстра (*прищурившись и уставившись куда-то в пространство*), который наверняка ведь сожрет столько людей... Он весь такой омерзительный, с красными глазами...

Тахо. Ага, ага! И со слюнявой пастью! (*Эрику, кивая на Антона*). Великий медиатор!

Эрик. Да, большой мастер!

Аврора. Ребята, нельзя так, тем более, что свобода, действительно, в опасности! А демократия...

Эрик (*сморщившись, перебивает*). Ой, ой, ой! Какой ужасный стиль!

Тахо (*мягко*). Аврора, с демократией нужно еще разобраться...

Аврора (*несколько запальчиво*). Да чего тут разбираться-то? Это лучшее, что придумал на сегодня человек!

Эрик (*деланно-озабоченно, «силясь вспомнить», к Тахо*). Бжезинский?

Тахо (*подыгрывая*). Может, Карл Поппер?

Аврора (*рассердившись*). Да ну вас!

Эрик (*примирительно*). Аврора... перестань слушать вражеские голоса!.. Им там хорошо рассуждать, у них – традиции. У нас же традиций свободы, как тебе должно быть известно, нет.

Тахо. Да, у нас традиция – напиться и подраться. А все западные идейки надо разбавлять как спирт – 50 на 50.

Эрик. И вообще. Когда демократия в стране нравится только ее «отцам-основателям» и всяким не очень порядочным людям, она – хуже всякой диктатуры. И наоборот – если диктатура принята большинством, причем сознательно! – это и есть самая настоящая демократия!

Антон. Казуистика какая-то... Вы, историки, все такие?

Эрик. Через одного... Как ни крути, в этот раз все, действительно, решилось не на солнечных улицах (*делает характерный щелчок по горлу*), по пьяному делу, а именно там – в убогих деревнях, в грязных райцентрах, в маленьких и серых провинциальных городках, там, где, собственно, и живет настоящая страна.

Тахо. Все верно. Это мы тут завязли, как в болоте, в своей рефлексии, в своих оглядках и прикидках. Ну как же! Мы ведь столько книжек умных прочитали, мы ведь про права человека знаем! И разнюнилась, понимаешь, рассупонилась душа интеллигентская, и заметалась, сердешная!

Эрик (*кивнув*). А в райцентрах народ не сомневался и давно уже все для себя решил.

Аврора. А вы считаете, что народ этот – прав?

Эрик. Конечно, «воля народа – глас божий»!

Аврора с сомнением покачивает головой. Антон сидит, подперев щеку кулаком, и о чем-то напряженно размышляет.

Тахо (*закулив*). Вообще говоря, меня больше интересует не Новый режим сам по себе, а человек при нем... или – в нем, как хотите... Вы только представьте! (*Постепенно воодушевляясь*). Там, на улице, сейчас идут, что-то делают, живут толпы, массы будущих рекрутов Режима, его фанатичные защитники и исполнители... Вот сейчас там (*выбросив руку и указывая в сторону пальцем*) сотни и тысячи завтрашних сексотов и стукачей, карателей и пала-

чей-садистов!.. Кто-то, наверняка, отречется завтра от своих родителей, братьев, сестер. Кто-то обрадуется возможности свести старые счета с коллегой по работе или соседом по даче... Представляете? Это будет опять ИХ время!

Аврора (*поежившись, с надеждой*). После всего, что мы узнали и... пережили, это – невозможно!

Тахо. Аврора, это возможно всегда и везде, где есть человек... Вспомните милую сказку про Пиноккио или, если угодно, про Буратино. Мастер из полена сделал живое чудо, вдохнув в него душу и волю. Но есть и другие мастера. Они вынимают душу, отбирают волю, превращают живое чудо обратно в чурбан. В мире много и тех, и тех мастеров, но бывают такие моменты, когда каких-то почему-то больше...

Эрик. Их не больше, просто – они нужнее! И в этом есть своя закономерность. Порой возникает прямо-таки насущная потребность в таком вот обратном превращении – из живого чуда в безвольное полено, которое нужно быстренько отнести и поместить там, куда живое чудо, в силу своей жизнерадостной безалаберности, будет добираться слишком сложно и долго, а то и вовсе не доберется.

Тахо. Не вполне согласен...

Антон. Да, насчет поленьев мне как-то тоже...

Аврора. И мне.

Тахо. Я не насчет поленьев не согласен, я насчет закономерности. Законы бывают только в естественных науках и, само собой, в природе. Для общества же никаких законов не существует.

Эрик. Ну, здравствуйте! А что же мы – историки, социологи – по-твоему, изучаем?

Тахо. О, это для меня великая загадка! Истории ведь тоже нет... как процесса, я имею в виду... и как вы умудряетесь изучать то, чего нет, этого я никак не пойму!

Антон. Как это нет? Что же тогда есть?

Тахо. Есть множество отдельных жизней, разбросанных как попало во времени и пространстве. Есть немые памятники прошлых эпох, есть письменные изощрения одних врунов и поздние спекуляции на всем этом – других врунов. (*Подняв палец, многозначительно*). Наука история – самая большая жульница в сфере человеческих мозговых потуг... после богословия, конечно. Она не может установить даже относительную истину, все ее «истины» – это интерпретация других, таких же дутых «истин».

Эрик. Надо же, сколько самоуверенности! А как начет твердо установленных исторических фактов?

Тахо (*соскочив со стула и возбужденно зашагав по комнате*). Я не знаю никаких исторических фактов! Я знаю только лубочные картинки для забавы людям и для хлеба вам – историкам! (*Подняв руку, предупреждая протест Эрика*). Объясняю, объясняю! Возьмем, к примеру, знаменитый Гордиев узел. Штука нарицательная, верно? (*Иронизируя*). Видите ли, быстрое разрешение запутанной проблемы! Но завязывали-то его, между прочим, как раз для того, чтобы развязывать! А тут, понимаете ли, появляется Александр Македонский, попыттел, видно, над узлом, посопел, ан нет, ничего не получается! Короче говоря, разрубил он узел просто с психу! Представляю его красную рожу в этот момент... Так вот, вопрос для пятиклассника – если б Гордиев узел разрубил не Александр, а простой солдат, символом чего стал бы этот факт, если б его вообще запомнили? Правильно, вижу, что знаете, символом вандализма и глупости!

Эрик. Но...

Тахо. Пять секунд никаких НО! Еще пример. Когда Христофор Колумб яйцо поставил. Помните такой случай? Но ведь он его сначала сломал, значит – поставил все-таки уже не яйцо, а задача была именно такой... Вот мне интересно, нашелся ли там хоть один, который понял, как Христофор всех надурил? (*Эрику, язвительно*). Как этот «факт» живет в истории? Как

пример неординарного мышления! (*Вновь усевшись на стул*). Так что... все условно, друзья мои, все условно и беспорядочно...

Эрик. Это – профанация истории.

Тахо (*немного с ленцой*). Извини меня, Эрик, но мура это все – твоя история... Сотри у человека память – он начнет накапливать новую, так же и отсеки сегодня у человечества его историю, оно будет наживать себе новую... (*начинает шарить глазами по столу, что-то выискивая*), причем, без особого для себя ущерба... может даже с пользой... сколько бы раздоров забылось...

Аврора. Ты что ищешь, Тахо?

Тахо. Да вот... твой мой любимый салатик-то...

Аврора. А что, уже подмели? Я сейчас принесу. (*Поднимается, берет салатницу и уходит*).

Эрик (*задетый за живое*). Одним словом, по-твоему, история – это, что в любой момент может быть начато заново?

Тахо. Не по-моему, а так и есть. Одно из подтверждений этому – то, что она никого и ничему не учит, нам только хочется думать, что это так... «Уроки истории», «уроки истории»! Да нет никаких уроков! Есть только забвение, расплата и новое забвение. Кстати, есть даже красочная иллюстрация к этому – Ветхий Завет, который суть не что иное, как история периодического предательства людьми своего бога, который так же периодически их за это карал. Не так ли, друг мой «истерик» (*смеясь, хлопает слегка Эрика по плечу*), а?

Эрик (*сдерживается, но явно «жаждет крови»*). Вот сказать тебе, почему я вас, философов, недолюбиваю?

Тахо (*добродушно*). А я знаю – почему!

Входит Аврора, ставит салатницу на стол. Тахо, поблагодарив ее, начинает накладывать себе салат.

Эрик. Ну и почему же?

Тахо. Потому что ты не понимаешь, о чем мы говорим.

Эрик (*с тихой яростью, еще более усиливающейся от того, что Тахо, увлеченный салатом, кажется, не обращает на него никакого внимания*). Не-ет. Не потому. Я не люблю философов, потому что они имеют наглость объявлять свой предмет наукой всех наук. Потому что они полагают, будто последнее слово в любой сфере знаний – за ними. Потому что они убеждены и убеждают в этом остальных: то, что не договорила математика или история, доскажет философия. Вот за это я вас и не люблю!

Тахо (*не отрываясь от салата, спокойно*). Но ведь именно так все и обстоит! И если ты этого не понимаешь, ты вообще ничего не понимаешь!

Антон (*Авроре*). Ну все! Пошли межцеховые разборки!

Эрик (*к Тахо*). Конечно, куда нам, скромным труженикам на ниве образования, до вашего полета! Куда нам до вас – мастеров профанации!

Тахо (*оставив в покое салат, уставившись на Эрика, на повышенном тоне*). Да что ты все заладил – профанация, профанация!.. Никаких я святынь не оскорбляю, я просто тычу тебя мордой в грязь реальности!

Эрик (*возмущенный, тоже на повышенном тоне*). У кого это морда?

Тахо (*еще более повысив голос*). У всех, кто признает эволюционную теорию Дарвина!!!

Антон (*жестикულიруя*). Товарищи, минуточку, товарищи!

Эрик. Где ты здесь «товарищей» увидел?

Тахо. А где ты здесь господи?

Аврора (*поднявшись за столом, повысив голос*). Эй, ребятки!.. Ребятки!! Кому плохо в жизни – сходите в горы или постригитесь, а не пейте водку галлонами!.. Что вы, в самом деле?

Все понемногу успокаиваются, кажется, им даже неловко. Аврора вновь садится.

Тахо. Н-да... *(прокашлявшись)*. Кстати, насчет водки...

Антон *(бодро)*. Да, давайте-ка лучше еще по одной!

Все смотрят на Эрика. Тот, секунду поколебавшись, берет бутылку и начинает разливать.

Эрик. Тут как раз только по одной и получится...

Все поднимают рюмки. Голоса: «Ну, чокаться не будем?», «Не будем!», «Нет, хватит». Выпивают, закусывают.

Тахо. Аврора, с помощью каких заклинаний тебе удастся сотворить эти чудеса?.. Тоша, тебе жутко повезло с этой женщиной.

Антон. Я в курсе.

Аврора *(после краткой паузы)*. Тахо, ты так и не развил, что там человек при Новом Режиме?

Тахо *(покончив с закуской, отпив лимонад из бокала)*. Разве не развил? Хотя, может быть... *(Устроившись на стуле поуютнее и сплетя пальцы на груди)*. О чем я там говорил-то? Ах, да! Так вот. Как ты будешь тогда жить – зависит только от тебя, и ответственность за себя ты несешь только перед собой и больше ни перед кем и ни перед чем. Есть вещи, которые лично ты просто не сможешь изменить, а значит – и не нужно взваливать на свою хилую совесть эту непосильную ношу. Но! У тебя всегда остается выбор, это твое право, и это – главное! Конечно, трудно это прочувствовать в полной мере, если ты веришь в судьбу, бога, рок *(покосившись на Эрика)*, законы общественного развития и прочие метафизические норки, куда прячутся трусливые человеческие мыслишки.

Эрик. Можно поконкретнее – что такое Выбор?

Тахо. Конечно! Твой личный Выбор – это то, как ты позволяешь себе жить, это – масштаб, характер твоих поступков в разных обстоятельствах. В том числе и тех, которые нам навяжет Новый Режим.

Аврора. Но выбор наступает неотвратно?

Тахо. Да, неотвратно и неизбежно.

Аврора. Так значит, это все-таки рок?

Тахо. Да. Единственный рок, который существует, – это рок выбора!

Антон. Рок – Единорог!

Тахо *(одобрительно кивнув Антону)*. Правильно, Тоша! Ты – настоящий художник, в смысле – стопроцентный псих!

Все дружно и как-то с облегчением смеются. ледок растаял.

Эрик. Да-а! Все ничего *(взяв в руки пустую бутылку и с сожалением ее разглядывая)*, вот только водка... увы! *(Тонем Катерины из «Грозы»)*. И почему это людям не хватает?.. Я говорю – почему людям всегда не хватает, чтоб напиться? *(Ставит бутылку обратно)*.

Тахо. Сейчас, минуточку... *(Зажмурившись, делает пассы над пустой бутылкой, шевеля губами. Открыв глаза, обнаруживает тщетность своих усилий)*. Бесполезно! И уже в который раз... Никак не возьму в толк – чего мне не хватает?

Антон. Может быть, веры?

Тахо *(страстно)*. Да есть вера-то, есть! *(Подняв лицо и прищулив глаза. Горячо, с придыханием)*. Знаешь, как я в это верю!

Эрик *(покачивая головой)*. А вот у Иисуса получалось!

Тахо *(нормальным голосом)*. Иисус был профессионал, а я – только любитель.

Аврора *(укоризненно)*. Вот, сразу видно, что некрещенные вы, богохульники!

Тахо *(с незлобивым апломбом)*. Да, мы некрещенные, а кроме того, мы не обрезанные, не помазанные, не окунутые, не уроненные, не укушенные, не придушенные, не зашибленные... что там еще? Короче, в целостности и сохранности сберегли свою первозданную красоту тела и чистоту взора! Вот, посмотри на Эрика, на эти невинные овечьи глаза, в которых я сей-

час не читаю ничего, кроме страстного желания сходить в ночную лавку за водочкой!.. Или я не прав, Эрик?

Эрик. Я, конечно, могу... но одному мне лень!

Тахо. Не лень, а боишься!.. Тоша, сгоняй с Эриком?

Аврора (*неуверенно*). А может – хватит уже?..

Эрик, Тахо и Антон бурно доказывают Авроре необходимость «добавить».

Тахо (*Антону и Эрику*). Истинно говорю вам! Берите не меньше литра, чтоб по сто раз не бегать.

Антон с Эриком собираются и уходят. Тахо провожает их до дверей со словами песни «Летите, голуби, летите...» Возвратившись, присоединяется к Авроре, закурившей за столом.

Аврора (*после краткой паузы*). Почему ты сегодня без своей подруги?

Тахо. Без какой подруги?

Аврора. Ах, да! Она же у тебя, наверняка, не одна... Ну, без той, с которой ты был у нас в прошлый раз?

Тахо (*на несколько мгновений задумавшись*). Нет... Не помню... Наверное, мы с ней уже расстались.

Аврора (*несколько укоризненно*). Не надоело тебе еще? Так вот?

Тахо (*глядя на нее масляными глазами*). Нет, нормально... Слушай, давай лучше обо мне не будем, давай о тебе? Я вот смотрю – ты все хорошеешь и хорошеешь... Когда только стареть-то начнешь?

Аврора. Нет-нет, ты мне лучше расскажи, как в университете, как твоя философия?

Тахо (*вкрадчиво*). В университете все в порядке – змеиный клубок шевелится себе потихоньку. У философии был одно время легкий жар, но она переболела и сейчас даже не покашливает...

Аврора. Трудно вообще преподавать такой предмет?

Тахо (*пожав плечами*). Не знаю... Да нет, пожалуй. Главное – как подать.

Аврора. Ну, ты, наверное, подаешь что надо?

Тахо. Что ты! Я лектор экстра-класс! Вот хочешь, я тебе сейчас в два счета объясню диалектическую триаду Гегеля?

Аврора (*улыбаясь*). Мы что-то такое проходили... Хотя я уже все забыла.

Тахо (*возбужденно*). Просто у вас не было такого преподавателя, так бы не забыла! Ну что, давай?

Аврора. Ну, попробуй!

Тахо срывается со стула, быстро подходит к Авроре. Берет ее за руку.

Тахо. Так! (*Заговорищищи*). Сейчас! (*Поворачивается к Авроре спиной и делает от нее три шага. Резко поворачивается. Аврора вздрагивает, ей это все уже начинает не нравиться*).

Тахо (*торжественно*). Смотри! (*Указывает на себя пальцем, громко*). Тезис! (*Медленно приближаясь к Авроре, указывает на нее*). Антитезис!

Аврора явно начинает тревожиться. Тахо, приблизившись к ней на расстояние локтя, резким движением притягивает ее к себе. Аврора от неожиданности даже вскрикнула.

Тахо (*громко*). Синтез!.. Вот так! И пошло развитие и получилось новое качество! (*Уже менее уверенным голосом*). Диалектика!

Аврора (*упершись локтями Тахо в грудь, уже полностью овладев собой, глядя ему прямо в лицо с большой неприязнью. С расстановкой, ледяным голосом*). Отпусти немедленно!

Тахо (*некоторое время смотрит на нее, затем картинно, как бы с недоумением, отпускает*). Да пожалуйста, пожалуйста!

Тахо отходит к столу, рассеянно подержавшись за его угол, усаживается на свой стул. Аврора. вновь закуриив, отходит к окну. Пальцы ее слегка подрагивают, она повернулась лицом к Тахо и стоит, оперишь на подоконник.

Аврора (спокойны, но глуховатым голосом). Неужели ты не понимаешь, что это по меньшей мере непорядочно?

Тахо (играет с вилкой, повернувшись было к Авроре). Да... (Передумав, махнул рукой). Впрочем, хватит философии на сегодня.

Из прихожей доносится оживленный шум. Входят Эрик и Антон, оба радостные. Выставляют на стол две бутылки водки. Антон подходит к Авроре, целует ее.

Эрик. Ну вот! (Хлопнув в ладоши, открывает затем одну бутылку и начинает разливать). Та-ак... Слушай, какой конфуз сейчас был!

Тахо (удивленно). Да?.. Где?

Эрик (разливая). Ты не представляешь, у кого я сейчас водку покупал!

Тахо (успокоившись). У Матери Терезы?

Эрик (поставив бутылку). Нет! У своего ученика-старшеклассника!

Тахо (скорее вежливо, чем заинтересованно). Ученик, конечно, троечник?

Эрик. В том-то и дело, что нет! Я почему и поразился! Но конфуз, какой конфуз!

Тахо. Да брось! Ты же не с ним ее пьешь, так что не причитай...

Эрик. Антон, Аврора! (Показывает на стол).

Антон подходит к столу. Аврора остается стоять у окна.

Антон (подняв рюмку). За продолжение нашей высокоинтеллектуальной пьянки!.. (Авроре). Милая моя, а ты что же?

Аврора. Без меня! (Все выпивают, кроме Авроры). И вообще (тушит сигарету), пойду-ка я, пожалуй, спать... Что-то я пресытилась сегодня вашим интеллектом. Надо перевести дух.

Антон и Эрик с недоумением смотрят на нее. Тахо сделал «умное» лицо.

Эрик. Но нам будет тебя недоставать, Аврора!.. Перед кем мы тут будем свои хвосты распускать? Не друг же перед другом?

Антон. Правда, что это ты, Аврора?

Аврора. Извините, мальчики, но я, действительно, очень устала! Спокойно ночи! (Уходит).

Антон (растерянно посмотрев на друзей). Аврора! (Уходит вслед за ней).

Тахо (раскачиваясь на задних ножках стула, глубокомысленно). «Я устала». О, сколько женщин ежедневно... и еженощно произносят эту сакраментальную фразу, лишая мужчин надежды, ласки и участия! Обрекая его на чувство глубокой неудовлетворенности, тоски и заброшенности! «Я устала!» Это произносится во всех концах света, во всех климатических поясах и на всех мыслимых языках!.. Может быть, чуть реже звучат эти слова только в странах Дар-аль-Ислама. Эх, Коран! Вдохновляющая вещь! (С грохотом опускает стул). Наливай! (Эрик, посмотрев на него внимательно, берет бутылку и хочет налить в рюмку. Тахо останавливает его). Не сюда! (Подставляет ему два пустых бокала). Давай вот так.

Эрик разливает водку по бокалам, вопросительно поглядывая на Тахо.

Эрик (осторожно). У вас тут что, получилось что-нибудь?

Тахо (берет бокал). В том-то и дело, что ничего не получилось, но, как ты говоришь, какой конфуз! (Усмехнулся). Вперед, друг Эрик!

Они чокаются и выпивают по едва ли не полному бокалу. Закусывают остатками закуски.

Эрик. Я так понимаю, Антона мы сегодня уже не дождемся.

Тахо. Скорее всего.

Эрик. Да-а-а... А самое-то главное – не понятно, пить можно уже или еще нельзя... то есть наоборот... А как хочется!

Тахо (*подняв палец*). Естественные позывы организма глушить ни в коем случае нельзя!

Эрик. Совершенно. Верно.

Тахо (*наклоняясь к Эрику*). Тогда может попробуем, а? Негромко, вполголоса?

Эрик. Давай еще по одной и попробуем!

Тахо. Давай! Только не по одной, а по одному. (*Пододвигает к Эрику бокалы, тот наполняет их*).

Эрик (*гордо*). А сильны мы с тобой пить, а?

Тахо (*мотнув головой*). Вообще!

Оба выпивают, чокнувшись, затем заедают конфетами.

Тахо (*все еще морщась*). Ну что, нашу, любимую?

Эрик (*слишком резко кивает головой*). Любимую, нашу!

Оба вполголоса затягивают «Там вдали за рекой загорались огни, в небе ясном заря догорала...» По ходу песни обнялись за столом за плечи, уставились глаза в глаза и тычут друг в друга указательными пальцами, как бы диктуя темп и ритм. Временами повышают голос, но тут же, зашикав друг на друга, понижают его до хриплого шепота. После слов «Он упал возле ног вороного коня и закрыл свои карие очи...» Эрик громко и неожиданно икает. Они пытаются продолжать, но икота не отпускает Эрика. Наконец, они оставляют эти тщетные попытки.

Тахо. Ну что, по маленькой?

Эрик (*икнув*). Не... По маленькому!

Тахо разливает, но Эрик не прикасается к своему бокалу. Он сидит, подперев щеку кулаком, глядя в пространство мутным взглядом и время от времени икает. Затем, наклонившись к Тахо, пытается что-то произнести, но вылетает только громкий ик.

Тахо. Что?.. (*Ик!*) Что-то я никак не разберу...

Эрик (*неожиданно четко и внятно*). Я пошел спать!

Тахо. А! Двигай! Тебе помочь?

Эрик отрицательно мотает головой, встает и, силясь держаться прямо, удаляется, махнув Тахо рукой и время от времени сотрясается икотой. Оставшись один, Тахо некоторое время сидит неподвижно, опустив руки, задумчиво глядя на свой бокал. Наконец, вздохнув, осушает его. Морщась, занюхивает хлебной корочкой.

Тахо (*посидев немного, четко, с расстановкой*). Надо бросить пить... Надо отвязаться от друзей и бросить пить... Или надо бросить пить, а друзья тогда сами отвязнутся... Или... Короче, надо идти спать.

Медленно поднимается из-за стола и, слегка пошатываясь, пытаясь напеть «И закрыл свои карие очи...», уходит.

Действие второе

Спустя несколько дней. Тахо у себя дома. Лежит с ногами на тахте и читает книгу, время от времени делая пометки карандашом. На столе в беспорядке бумаги и книги. На полу возле тахты – телефон. Звонок в дверь. Поднявшись с неохотой, Тахо открывает и выпускает Антона.

Антон. Можно?

Тахо. Пожалуйста, проходи. *(С кресла, стоящего напротив стола, убирает ворох бумаг).* Садись... Тут у меня беспорядок, работаю, понимаешь... Кофию?

Антон *(усевшись в кресло).* Нет, спасибо.

Тахо. Хорошо. Тем более, что я вспомнил – у меня его нет.

Антон. Да-да... Надо поговорить.

Тахо *(вновь устроившись на тахте).* Я весь – внимание, Тоша.

Антон *(с едва сдерживаемым гневом).* Какого черта ты приставал к моей жене?

Тахо *(скорее равнодушно, чем сконфуженно).* Я? Приставал?

Антон. Перестань! Она мне сама все рассказала, про все твои гнусные проделки! Ты хоть понимаешь, что ты сделал? Твоя репутация очень пострадала, очень!

Тахо *(спокойно).* Репутация – это ерунда, это меня не волнует. Но что касается... Seriously, ничего особо криминального не припомню... Впрочем, такое со мной случается, в общем, если я действительно чем-то сильно обидел Аврору, то я весьма сожалею. Передай ей, что я готов даже принести свои извинения.

Антон *(язвительно).* «Даже»!.. Думаешь, кому-то станет легче от своих извинений!

Тахо *(равнодушно).* Не знаю... Это меня уже не касается.

Антон *(резко поднявшись с кресла и нервно заходя по комнате).* А что тебя вообще касается?

Тахо. Ну как... Многое.

Антон *(остановившись, глядя на Тахо).* Слушай, как ты живешь, как ты к людям относишься?.. Ты ведь никого не уважаешь, никого не любишь, ты всех только терпишь! Думаешь, люди этого не чувствуют?

Тахо *(прежним тоном).* Думаю, что нет... Я же их умнее!

Антон *(скривив губы).* Что, мания опять захлестнула?

Тахо. Да. Мания – бессмертна. *(Усмехаясь).* А если серьезно – мне безразлично, что они там чувствуют... лишь бы никто из-за меня напрямую не пострадал, а остальное... *(Вяло машет рукой).*

Антон *(вновь садится в кресло, язвительно).* Еще бы, ведь тебе от этого станет неудобно, неудобно там внутри, комфорт твой нарушится, да?

Тахо *(пожимает плечами).* Ну, пусть так!

Антон *(наклонившись в сторону Тахо, глядя на него пристально, обличительным тоном).* А те женщины, которые тебя любили, – хотя, убей меня, я не пойму, как им это удалось, – которым ты изменял, которых ты оставлял, они как же? Ты не считаешь, что они от тебя – причем напрямую! – пострадали?

Тахо *(поспешно «заводясь»).* Нет, кто со мной говорит? *(Вплеснув руками).* Аскет-пустынный! *(Садится на тахте).* Святой Антоний, благополучно претерпевший все искушения! Ты вспомни, кем был до обручения... а вернее до обращения!.. Впрочем, хорошо, давай поговорим. Все женщины, Тоша, всегда и везде, даже в большинстве случаев изнасилований, как минимум со-у-част-ни-цы! – а вовсе не невинные жертвы Синей Бороды! Ты думаешь, мужчина хочет обмануть, думаешь, ему это приятно? Да нет же! Но ведь они сами, постоянно, впиваются в тебя и требуют – «Обмани»! Ее глаза, жесты, поступки, все ее существо вопиет –

«Произнеси! Скажи эти три слова, что тебе стоит!» (*Более спокойно*). И в общем-то, действительно, ничего не стоит. И произносишь...

Антон. Что, вот так, все без исключения и требуют?

Тахо. Ну почти.

Антон. Вот. Вот!

Тахо. Да что «вот»? Дело даже не в этом. Я это все к тому, что как же можно называть их жертвами? Потерпевшей, видите ли, стороной? Да они, скорее, инициаторы этого... Взаимного ограбления, потому что как еще иначе назовешь ситуацию, когда люди строят свою жизнь, свои мысли, желания, даже дыхание! глядя друг на друга? (*Ежится*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.